

Падерин
Геннадий

23 ДЕН 1981

СОСЕТСКАЯ СИБЕРЬ
Новосибирск

ГЛАВНЫЙ жанр произведений Геннадия Падерина — художественная документалистика. Жанр, условия которого являются одними из самых жестких в литературе. «Ты пишешь книгу, и эта книга — документальная, — говорят писатель о своей работе. — Ты пишешь и постоянно помнишь: твои герои — люди, взятые из жизни, взятые вместе с их подлинными именами, с их адресами, с их родными и знакомыми... Ты пишешь и знаешь: твоим героям может навредить даже самая махонькая неточность, невнимательность с твоей стороны, могут навредить в одинаковой мере и недосказ, и пережим, чрезмерная перчинка и неумеренное подслащивание, избыточная откровенность и не к месту высвеченный факт... Ты пишешь, а внутренний редактор сидит возле кнопки какого-то напечатывающего устройства и время от времени включает запись:

— Жизнь — не киносъемка, в ней дублей нет. Здесь сразу все без прикидки, без черновика — набело!».

Но добросовестное выполнение условий жанра — еще не

гарантия успеха. Не гарантируют его сами по себе ни острота и злободневность поднимаемых проблем, ни феноменально интересная судьба найденных в жизни героев. И, перечислив требования, предъявляемые к документалистике, писатель добавляет: «Плюс экзотика». Добавление, на первый взгляд, незначительное, почти неощутимое, но оно вроде той диковинной, редкостной травки из известной сказки, без которой невозможно приготовление настоящего волшебного блюда.

Экзотика — одна из отличительных черт документальной прозы Геннадия Падерина. И суть не в каком-либо особенном, необычном пейзажном или климатическом орнаменте, поражающем своей странностью, не в причудливых рисунках словесной ткани произведения — этих традиционных атрибутов экзотики у автора нет даже и в том случае, если действие происходит где-нибудь в Африке, — суть в том, что в обычных людях и в их обычных делах писатель всегда умеет найти и показать необычное, экзотическое, чудес-

ВЗЯТЫЕ ИЗ ЖИЗНИ

К 60-летию ГЕННАДИЯ ПАДЕРИНА

ное. «Магический кристалл», через посредство которого он воспринимает и воспроизводит на страницах своих книг явления жизни, можно уподобить кристаллу исландского шпата, преобразующего обыкновенный световой луч (пропускаемый и простым оконным стеклом) в «необыкновенный» — не искажающий изображения, но резко усиливающий контрастность, помогающий выявить, выпятить все грани.

Этот поляризованный свет — сюжетная интрига, не столько умело найденная, сколько лежащая в самой природе падеринского дарования. Интригуют уже сами названия его произведений: «Обвиняемый — страх», «Якутский злоумышленник», «На лезвии риска»... Эпиграфические вставки еще более усиливают интригу. Как, например, начинается повествование о «Ловце ураганов»? Автор раньше всего сообщает нам о таинственной телеграмме, которую получают работники кубинского посольства в Москве из далекого горняцкого поселка от никому не известного метеоролога-самоучки Дьякова. Работники посольства в полной растерянности: телеграмма предупреждает о грозящем остроуму стихийном бедствии, а гидрометцентр страны не может сказать по этому поводу ничего определенного, поскольку самые чувствительные приборы не регистрируют еще никаких признаков надвигающегося урагана... После такого запева ни один читатель не устоит перед соблазном разобраться в предложенной загадке, проникнуть в тайну дьяковского «ясновидения».

И хотя мы понимаем, что атмосфера таинственности в произведении о реальных людях и реальных событиях в до-

статочной мере условна, что, скажем, «якутским злоумышленником» окажется не засланный в Якутию со специальным заданием одной из иностранных разведок агент, а самые обыкновенные свойства вечной мерзлоты, мы охотно принимаем правила игры, ибо чувствуем в применении их своеобразный живой юмор, возникающий на стыке очерковых реалий с законами популярных детективных и приключенческих жанров. А юмор — это также: «плюс экзотика». И владеет им Геннадий Падерин великолепно, с большим чувством такта, иронизируя не над своими героями, а над тем лицом, которое в поэзии называется лирическим «я». Иными словами, источником юмористической ситуации всякий раз оказывается рассказчик, пытающийся вслед за своими героями проникнуть в труднодоступную для некомпетентного человека «зону неизведанных глубин», постигнуть суть их открытий.

Экзотичен, наконец, и сам тип падеринского героя. Это, как правило, люди, одержимые идеей, которая не укладывается в рамках существующих представлений и кажется потому чуть ли не абсурдной. И в таких, взятых из жизни типах людей, как ныне всемирно известный «ловец ураганов» сибирский метеоролог Дьяков или молодой акванавт из Новосибирска Коновалов, опровергающий сложившиеся представления о причинах гибели людей на воде, Г. Падерин очень точно уловил одну из характерных черт нашего времени, выраженную в известном парадоксе Эйнштейна: «Открытие делают те, кто не знает или не понимает запретов науки». При чтении падеринских очерков вспоминаются имена народного академика Терентия

Мальцева, курганского доктора Илизарова, возглавляющего теперь один из крупнейших травматологических центров страны, вспоминаются энтузиасты самостоятельных экспедиций в район падения Тунгусского метеорита, из числа которых вышли и академик Николай Васильев, и космонавт Георгий Гречко, и многие другие «яростные и непохожие», подлинные знамя борьбы с инерцией бытующих стереотипов и боязнь всего отклоняющегося от текста школьных учебников.

Начав с путевых и производственных очерков («Рельсы идут на Восток», «Земля новых адресов», «Пятнадцать чудес и др.), Геннадий Падерин постепенно перешел к очеркам-исследованиям. Ведущей темой в его творчестве стала тема сибирской науки. У писателя со всей очевидностью проявился незаурядный дар популяризатора. Он сумел найти свой ключ к труднодоступным для непосвященных областям науки, и путающая сложность ученых премудростей отступила под пером писателя.

Только за последние годы Падериним созданы книги «На крутизне поиска» о деятельности сибирских генетиков, вторгнувшихся в святая святых природы — наследственность, и «В зоне неизведанных глубин» — о замечательном нашем земляке академике Алексее Павловиче Окладникове.

Произведения Геннадия Падерина получили всесоюзное звучание. Вызвав широкий общественный резонанс, они окказали его героям существенную помощь в их работе. Многих из того же беспокойного племени ищущих они вдохновили и поддержали морально. И вот основное, что делает книги Па-

дерина подлинно народным чтением, — то, о чем он пишет, глубоко волнует каждого. Ток страстного писательского слова, несомый его книгами, проходит по цепи читателей, вызывая ответную реакцию в виде мощного силового поля общественного мнения.

К вещам документального плана тесно примыкают произведения художественные — рассказы и повести. В большинстве из них писатель обращается к теме минувшей войны, участником которой он был. Думается, есть что-то очень неслучайное в том, что к этому пласту своей биографии автор обратился лишь спустя три десятилетия после победы. Может быть, удерживал глубоко человеческий такт перед памятью павших. Может быть, за годы разрушительной войны душа истосковалась по иному разговору — по разговору о мирном, созидательном труде, и слово о мирном труде было главным для писателя-фронтовика.

Геннадий Падерин не одинок в этом отношении. Совсем недавно в журнале «Дружба народов» появилась первая военная повесть писателя-фронтовика Вячеслава Кондратьева «Сашка», в предисловии к которой Константин Симонов написал: «Мне даже кажется, что, не прочитай я «Сашки», мне бы чего-то не хватало не в литературе, а просто-напросто в жизни». То же самое можно сказать и о рассказах Геннадия Падерина. Они — какие-то пронзительно — неожиданно созданные под каким-то совершенно новым углом зрения. Факты и детали, о которых идет речь, вроде бы малозначительны, даже будничны, от-

чего, наверное, до Кондратьева и Падерина на них и не обращали внимания, но, когда читаешь такие вещи, как «Котелок на двоих» или «Солдат Матрена», чувствуешь, что без этих деталей и фактов картина войны, несмотря на огромное количество книг и кинофильмов, была бы неполной.

Герои падеринских рассказов — это тоже «люди, взятые из жизни». В их характерах и поступках мы видим проявление тех же душевных начал, которые движут и героями его документальной прозы. Естественно, в силе остается и принцип «плюс экзотика». Наиболее последовательно он воплощается в повестях «Тетрадь со дна чемодана» и «Под боком у немецкой комендатуры», написанных в военно-приключенческом жанре.

За каждым словом писателя — часть жизни, дни, месяцы, годы неустанного поиска. Поэтому каждое слово так дорого. «— Если окажешься перед выбором — отрезать ли абзац от своей статьи или собственный палец, что отрежешь? — Палец.

— Норма. Для службы в армии пишущих годен...»

В этой шутке огромная доля правды.

Г. КАРПУНИН.